

А. П. Павлов

К ВОПРОСУ
ОБ УЧАСТИИ
ДВОРЯНСТВА
«УКРАИННЫХ
ГОРОДОВ»
В СОБЫТИЯХ
СМУТЫ

Павлов
Андрей
Павлович,
доктор
исторических
наук, профессор
Санкт-
Петербургского
государственного
университета,
ведущий научный
сотрудник Санкт-
Петербургского
института
истории РАН

В новейшей историографии решительно пересмотрены прежние представления о Смуте как первой крестьянской войне. В исследованиях А. Л. Станиславского, Р. Г. Скрынникова, Б. Н. Флори, И. О. Тюменцева, В. Н. Козлякова и других историков раскрыто участие в Смуте самых различных слоев населения, в том числе дворянства, и, прежде всего, дворянства южных окраин.

Тем не менее вопрос о роли дворянства в событиях начала XVII в. изучен далеко не в полной мере. Выводы историков об участии в Смуте различных дворянских корпораций основываются преимущественно на показаниях нарративных источников и правительственных воззваний (окружных грамот), которые дают лишь общие сведения о том, что те или иные «служилые города» «заворовали», «отложились» от Москвы или, напротив того, «повинились» и «добили челом» царю¹. Имеющиеся в распоряжении исследователей данные о персональном составе уездных дворян, принимавших участие в событиях Смуты, весьма скудны и отрывочны. Отчасти восполнить этот пробел и конкретизировать картину участия дворянства в Смуте на этапе движения Лжедмитрия II позволяет анализ состава московских осадных сидельцев, получивших, согласно указу 1610 г., вотчины за московское осадное сидение при царе Василии Шуйском. Текст осадного списка 1610 г. до нас не дошел². Но состав московских осадных сидельцев царя Василия Шуйского в значительной мере можно реконструировать по данным лицевых книг 20–40-х гг. XVII в. и книг Печатного приказа³. Результаты про-

изведенной реконструкции представлены в приложениях к публикации Осадного списка 1618 г., осуществленной нами совместно с Ю. В. Анхимюком⁴.

Анализ состава московских осадных сидельцев при царе Василии в сопоставлении с данными об их чиновном положении за рассматриваемый период, а также об их служебных и земельных связях с различными «городами»⁵ обнаруживает следующую картину. Из 2056 выявленных нами имен московских осадных сидельцев 1608–1610 гг. около 315 чел. имели в тот период думные и московские чины⁶. Среди осадных сидельцев встречаем имена 30 дьяков и 20 подъячих, представителей других служилых чинов — дворцовых служителей (конюхов, сытников, ключников, псарей и др.), служилых иноземцев, служилых татар (13 чел., в том числе 4 мурзы), новокрещенцов (17 чел.) и т. д.

Но основную часть московских осадных сидельцев при царе Василии составляли дворяне и дети боярские различных «служилых городов» (всего 1573 чел., или 76,5% от общего числа известных имен осадных сидельцев). Анализ их состава обнаруживает интересные закономерности.

Обращает на себя внимание весьма незначительное представительство среди осадных сидельцев царя Василия служилых «городов» Замосковского края, расположенных к северу и северо-востоку от столицы (дворян из Владимира, Суздаля, Ярославля, Костромы и т. д.) — всего 144 чел., или лишь 9% от всех уездных дворян, сидевших в осаде на Москве⁷. Эти «города» практически не были затронуты военными действиями на первых этапах Смуты, до образования Тушинского лагеря. Из северных «городов» встречаем имена четырех пологжан. Среди осадных сидельцев упоминаются дворяне некоторых центральных уездов страны, лежащих к западу и юго-западу от Москвы (из Боровска, Вереи, Волока Ламского, Звенигорода, Можайска и Рузы, всего 40 чел.), а также «городов» Тверской земли (всего 139 чел.⁸); эти районы были затронуты Смутой в период восстания Болотникова. Относительно немногочисленную группу среди осадных сидельцев составляли дворяне поволжских «городов» (всего 28 чел.⁹). Следует отметить, что нижегородские дворяне несли службу царю Василию преимущественно в пределах Поволжского региона и получали вотчины за различные «ионизовые службы»¹⁰. Из дворян северо-западного региона в осаде на Москве мы встречаем лишь 23 чел., преимущественно новгородских помещиков¹¹. Среди московских осадных сидельцев царя Василия встречаем сравнительно немногочисленных дворян Смоленской земли (всего 24 чел.¹²); значительная часть смоленского дворянства в рассматриваемое время находилась на службе в полках, вне Москвы¹³.

Основную же массу уездных дворян и детей боярских, сидевших в осаде на Москве (1171 чел. из 1573, или 74,4%), составляли помещики южных и юго-западных «украинных» городов, на

территории которых разворачивались главные боевые действия на первых этапах Смутного времени. Среди осадных сидельцев упоминаются дворяне городов южной окраины Московской земли (коломнчи — 24 чел., серпуховичи — 4, каширяне — 88, малоярославцы — 37, тарушане — 50; всего 203 чел.), дворяне Тульского края (137 чел.¹⁴) и Рязанской земли (213 чел.¹⁵). Наиболее многочисленную группу дворян, сидевших в осаде на Москве в 1608–1610 гг., составляли помещики «Заокских» (Верхнеокских) городов (из Алексина — 87 чел., Белева — 57, Болхова — более 16 чел.¹⁶, Воротынска — 48, Калуги — 43, Карачева — 58, Козельска — 83, Лихвина — 31, Медычи — 24, Мещовска — 54, Новосили — 4, Одоева — 4, Перемышля — 5, Серпейска — 21), а также дворяне из территориально близких к этим городам новых городов, поставленных «на поле» в XVI в. (из Орла — 9 чел., Мценска — 33 чел., Кром — 1 чел., Черни — 3 чел.). Всего мы встречаем имена более 580 дворян Верхнеокского региона, что составляет почти 40% (более 37%) от общего числа уездных дворян, сидевших в осаде на Москве. Среди московских сидельцев упоминаются дворяне из Северской земли (2 чел. из Путивля и один из Новгорода Северского), а также 26 дворян из Брянска. Встречаются и имена детей боярских «Польных городов» (от «Дикого поля») — 7 помещиков из Ельца и 1 помещик из Курска.

Приведенные выше данные вполне подтверждаются показаниями «Хронографа» Баима Болтина: «И во 117 (1608–1609 гг. — А. II.) году с Москвы дворяне и дети боярские всех городов поехали по домом и осталось Замосковных городов не многие, из города человека по два и по три, а Заречных украинских городов дворяне и дети боярские, которые в воровстве не были, а служили царю Василью и жили на Москве с женами и с детьми, и те все с Москвы не поехали и сидели в осаде, и царю Василью служили, с поляки и с литвою и с рускими воры билися не щадя живота своего, нужу и голод в осаде терпели»¹⁷.

Видная роль дворянства южных и юго-западных «украинных городов» в обороне Москвы в 1608–1610 гг. была не случайной. На первых этапах Смуты дворяне южных городов приняли участие в антиправительственных выступлениях — поддержали Лжедмитрия I во время его похода на Москву, летом — осенью 1606 г. выступали в рядах различных повстанческих армий (И. И. Болотникова, И. И. Пашкова и П. П. Ляпунова) против царя Василия Шуйского. Однако впоследствии, в середине ноября — начале декабря 1606 г., дворянство «украинных городов» отходит от повстанческого движения и переходит на сторону правительственного лагеря. В грамотах по городам, разосланных от имени царя Василия Шуйского по случаю победы над повстанцами под Москвой в начале декабря 1606 г., говорилось о том, что «дворяне и дети боярские резанцы, коширяне, туляне, коломнчи, алексинцы, калужане, козличи, мещане, лихвинцы, белевцы, болховичи, боровичи, медынцы, а также ружане и малоярославцы» «и всех городов всякие люди нам доби-

ли челом и к нам все присхали...»¹⁸. О том, что это не были просто правительственные декларации, в которых выдавалось желаемое за действительное¹⁹, свидетельствуют материалы боярского списка 1606–1607 гг. Полный текст боярского списка 1606–1607 гг., в котором содержится, в частности, списки выборных дворян из 36 «городов», был опубликован недавно в сборнике «Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века» (2003 г.) по копии, спятой В. И. Корецким в Архиве ЛОИИ (ныне Архив СПбИИ РАН)²⁰. Интересующий нас текст боярского списка 1606–1607 гг. является списком с документа («Список списка бояр и окольных, и приказных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян с Москвы, и из городов выбор 115-го году при великом государе царе и великом князе Василии Ивановиче всеа России, каков сыскан в Розряде после Московского разоренья. Без начала»), который дошел до нас в составе рукописного сборника последней четверти XVII в.²¹ Боярский список был составлен не ранее 15 ноября 1606 г. — список выборных дворян по Рязани открывается именем П. П. Ляпунова; известно, что в этот день отряд рязанцев во главе с П. П. Ляпуновым и Г. Ф. Сунбуловым перешел на сторону Василия Шуйского. С другой стороны, список был составлен не позднее 22 декабря 1606 г. — возле имени стряпчего Алексея Ивановича Головина стоит помета «115-го декабря в 22 день из житья (о пожаловании его в стряпчие из жильцов)»²². Составление боярского списка относится, по-видимому, ко времени не ранее конца ноября. Среди выборных по Рязани встречаем имена Семена и Василия Гавриловичей Коробьиных. По сообщению разрядных книг, «как смоляне пришли к Москве... из воровских полков переехали Коробьины и иные резанцы...»; верные царю Василию смоленские полки подошли из Можайска к Москве около 29 ноября 1606 г.²³ В боярском списке имеются многочисленные пометы о нахождении дворовых «под Колугою». Царские воеводы приступили к осаде Калуги, где засели отряды болотниковцев, около 20 декабря, а 17 декабря к стенам города была подвезена артиллерия («наряд»)». Таким образом, время составления боярского списка «115-го году» можно датировать примерно первой половиной декабря 1606 г.²⁴ Уже в это время, согласно данным боярского списка, практически все «служилые города» украинного разряда (по крайней мере вся верхушка этих «служилых городов» — выборные дворяне) состояла на службе у царя Василия²⁵. Из 36 «городов», по которым в боярском списке 1606–1607 гг. перечислены имена выборных дворян, большую часть (22 «города») составляли южные и юго-западные «украинные города», в том числе все те дворянские служилые корпорации, которые, согласно окружным царским грамотам от 5 декабря 1606 г., «добили челом» Василию Шуйскому (Коломна, Рязань, Кашира, Алексин, Тула, Калуга, Белев, Лихвин, Мещовск, Козельск, Болхов, Боровск, Медынь). Большая часть этих городов (9 из 13) лежала в полосе наступления Болотникова²⁷.

Мы не располагаем определенными данными о степени участия дворянства юго-западных, «Зарецких», городов в начальный период восстания Болотникова, на этапе его движения к Москве осенью 1606 г. Нет полной ясности, выступали ли они на стороне повстанцев «всем городом» или же внутри дворянских корпораций имел место раскол. Известны факты (правда, немногочисленные и отрывочные) о нежелании отдельных южных помещиков (из Алексина, Болхова, Козельска, Мценска, Соловы, Черни) переходить на сторону Болотникова, о репрессиях против них со стороны повстанцев, отходе их в Москву к царю Василию Шуйскому и сидении в первой московской осаде осенью 1606 г.²⁸ Вероятно, переходы на сторону повстанцев дворян ряда городов, лежавших в полосе наступления Болотникова, могли носить и вынужденный характер. Указания на это содержатся в грамотах царя Василия от 25 ноября и патриарха Гермогена от 29 ноября 1606 г.: «а в которых городех (речь идет о дворянах и детях боярских. — А. П.), боясь воров убийства и грабежу, а также по грехом пошеталися...», «и которые города, забыв Бога и крестное целование, убоявся их (восставших) грабежев и насилия всякого и осквернения жен и дев, целовали крест...»²⁹. Позднее, как убедительно показал И. О. Тюменцев, были вынуждены переходить на сторону тушинцев дворяне замосковских городов из-за опасения за судьбу своих поместий и вотчин³⁰.

Обращает на себя внимание относительная быстрота и легкость отхода дворянства от повстанческого движения — уже к началу декабря 1606 г. все основные служилые дворянские корпорации «украинного разряда» (в первую очередь их верхушка — выборные дворяне³¹, являвшиеся формальными и неформальными лидерами уездного дворянства) перешли на сторону правительственного лагеря. Определенная часть дворянских корпораций при этом перешла на сторону Шуйского еще в ноябре, т. е. до окончательного разгрома войск Болотникова под Москвой. Как явствует из грамоты царя Василия от 25 ноября 1606 г., дворяне ряда западных и юго-западных «служилых городов», в том числе «городов» Заокского края (Серпейска, Мещовска, Медыни), «все обратились и прислали к нам (царю) с повинными челобитными и, собрався, все идут на воров...»³². Известно, что серпейские дворяне в ноябре 1606 г. вместе со смолянами и дорогобужанами шли на помощь царю Василию к осажденной болотниковцами Москве³³.

15 ноября на сторону Василия Шуйского перешли рязанские дворяне во главе со своими лидерами Г. Ф. Сунбуловым и П. П. Ляпуновым. Затем, в конце ноября 1606 г., «из воровских полков» в царский стан отъехали рязанские отряды во главе с Коробьиными. В повстанческом движении продолжали, правда, участвовать (вплоть до лета 1607 г.) дворяне некоторых городов южной степной окраины Рязанской земли (Ряжска и др.)³⁴. Это были районы мелкопоместного дворянского землевладения и положение местных детей бояр-

ских здесь зачастую мало отличалось от положения приборных служилых людей, что способствовало их сближению с основной массой повстанцев. Таким образом, наиболее последовательными участниками восстания выступали именно мелкие дворяне.

Отход от повстанческого движения дворянства основных «городов» южной и юго-западной «украины» к концу 1606 г. углубил социальный антагонизм между дворянами и основной массой повстанцев (вольными казаками и социальными низами). С этого времени сведения о казнях и грабежах дворян повстанцами становятся заметно более многочисленными. Особенно широкий масштаб казни дворян приобрели во время движения казацкого «царевича Петра» (Илейки Муромца). В Путивле пленные дворяне и воеводы, служившие царю Василию, подверглись от рук казаков «царевича Петра» едва ли не поголовному истреблению³⁵. Широкие репрессии на дворян продолжались и во время похода «царевича Петра» из Путивля на помощь болотниковцам (выступление из Путивля состоялось в середине — второй половине января 1607 г.). Повсеместно на пути следования Лжепетра (вначале шел через Орел, Мценск, Одоев и другие города к Калуге, т.е. тем же маршрутом, которым ранее продвигался Болотников; затем, после поражения от царских войск на р. Вырке 23 февраля 1607 г., его отряды двинулись в Тульский уезд³⁶) повстанцы, по свидетельствам различных источников, чинили подлинный террор по отношению к дворянам и воеводам³⁷. Широкий размах приняли грабежи дворянских имений. Повстанцы грабили владения не только дворян, но и представителей других групп землевладельцев — в частности, служилых татар³⁸. Не случайно в реконструированном нами списке московских осадных сидельцев, как отмечалось выше, встречается немало имен служилых татар и новокрещенов. Чинимые казаками Лжепетра грабежи и насилие вынуждали многих помещиков южных областей государства оставлять свои имения и вместе с семьями уходить в Москву. Согласно правительственным распоряжениям, разоренным дворянам, бежавшим из охваченных восстанием районов, и их семьям из казны и из монастырей выдавалось денежное и хлебное «жалование»³⁹. О расхождении интересов дворянства с повстанцами свидетельствуют события в Брянске. После того как в этом городе произошло восстание, основная часть дворян и детей боярских из Брянска и других северских городов вместе с брянскими воеводами князем Григорием Борисовичем Долгоруковым и Елизарием Семеновичем Безобразовым (имел, кстати, чин выборного дворянина по Брянску) отошла в царский лагерь в Серпухов⁴⁰.

Репрессии против дворян южных городов и их отходы к Москве продолжались и на начальном этапе движения Лжедмитрия II, когда в его лагере, как показал И. О. Тюменцев, доминирующие позиции занимали выходцы из социальных низов, бывшие болотниковцы⁴¹. Дворянство в основной своей массе сохраняло верность

царю Василию во время продвижения Лжедмитрия II к Москве⁴². По сообщению «Нового летописца», опасаясь расправы со стороны повстанцев, дворяне городов, лежавших на пути наступления войск Лжедмитрия II (в основном тех самых многострадальных юго-западных городов, через которые в свое время продвигались отряды Болотникова и Лжепетра), «покинув свои дома, з женами и з детьми приидоша к Москве»⁴³. По свидетельству того же летописца, после поражения под Болховом служившие в царском войске дворяне и дети боярские не поддались на «вражью прелесть» и «побегоша все от него (самозванца) к Москве»⁴⁴. Нахождение в Москве и участие в обороне столицы летом 1608 г. (в знаменитом Ходынском сражении) уездных дворян и детей боярских (в основном дворянства южных «городов») стало одним из факторов, позволившим царю Василию избежать полного поражения и захвата Москвы самозванцем.

Таким образом, уже с начала осады Москвы Лжедмитрием II летом 1608 г. определился состав участников обороны столицы, среди которых, как мы видели, решительно преобладали дворяне южных и юго-западных «украинных городов». Однако проправительственная ориентация дворянства этих «городов» (в первую очередь его верхнего, «правлящего» слоя — выборных дворян) определилась раньше, уже к концу 1606 г. Характерно, что имена значительной части выборных дворян из южных и юго-западных «украинных» городов, перечисленных в боярском списке 1606–1607 гг., встречаем среди московских осадных сидельцев 1608–1610 гг. (129 чел. из 372, или около 35%)⁴⁵. Следует учитывать при этом, что часть выборных дворян несла службу царю Василию вне столицы (в полках и городах), многие дворяне, записанные в боярском списке 1606–1607 гг., к началу пожалования вотчинами за московское осадное сидение (весна 1610 г.) погибли в боях, умерли от ран, «измснили» царю Василию и т. д.; кроме того, реконструированный нами состав московских осадных сидельцев не может претендовать на исчерпывающую полноту. У подавляющего большинства выборных дворян юго-западных городов 1606–1607 гг. упоминаются родственники среди московских осадных сидельцев.

Значительная часть южнорусских дворян, «осадных сидельцев» 1608–1610 гг., оставалась на Москве и после свержения Василия Шуйского. Многие из них попросту не могли вернуться в свои прежние имения, разоренные от Смуты или розданные сторонникам Лжедмитрия II. Кроме того, территории ряда западных и юго-западных областей государства были заняты польско-литовскими войсками. Оторванные от своих имений и родных мест, несшие длительное время службу в столице, а не местную городскую службу, выходцы из южнорусского дворянства начинали активно втягиваться в общерусскую политическую борьбу.

Заметную активность дворянство западных и юго-западных «городов» проявило в ходе переговоров об условиях избрания на мо-

сковский престол королевича Владислава. Сохранилась именная роспись московским послам, отправленным под Смоленск к королю Сигизмунду (сентябрь 1610 г.). Наиболее многочисленную группу в составе участников этого посольства составляли «дворяне из городов» — всего 42 дворянина, являвшихся представителями 32 городских дворянских организаций. Из перечисленных в росписи дворян 32 «служилых городов» дворяне лишь 4 «городов» (Дмитрова, Ярославля, Костромы и Галича) являлись представителями уездов Замосковского края, расположенных к северу и северо-востоку от Москвы; дворяне из Рязани, Тулы и Каширы представляли «служилые города» юга России, но особенно широко были представлены в росписи «города», расположенные к западу от столицы (Ржева Володимерова, Зубцов, Торопец, Бежецкий Верх, Старица, Вязьма, Дорогобуж и Смоленск) и «города» Заокско-Брянского края (Брянск, Козельск, Болхов, Мещовск, Белев, Серпейск, Алксин, Таруса, Калуга, Воротынский, Лихвин, Карачев, Орел, Мценск, Медынь). Кроме того, для сопровождения посольства были отправлены отряды смолян (155 чел.), дорогобужан (90 чел.), старичан (7 чел.), рославцов (6 чел.), серпян (37 чел.), брянчан (88 чел.)⁴⁶. Активное участие дворянства западных и юго-западных «служилых городов» в переговорах, как заметил Б. Н. Флоря, было не случайным — дворяне этих регионов были особенно заинтересованы в том, чтобы польская сторона взяла на себя обязательство вывести (согласно августовскому договору 1610 г.) свои войска из западных уездов России и в то же время направить свою армию против Лжедмитрия II, все еще занимавшего определенную часть уездов на юго-западе страны⁴⁷. Следует отметить, что имена большинства дворян юго-западных городов (Брянско-Заокского края), участвовавших в посольстве под Смоленск в сентябре 1610 г., встречаются и среди московских осадных сидельцев 1608–1610 гг. (11 из 17)⁴⁸.

Впоследствии дворянство «служилых городов» юга России приняло активное участие в земском освободительном движении 1611–1612 гг. Дворяне южных и юго-западных уездов были среди первых, кто откликнулся на инициативу П. П. Ляпунова создания ополчения для освобождения Москвы. Помимо рязанцев к движению присоединились дворяне из Калуги, Тулы, Михайлова, Коломны, северских и украинских «городов», а лишь затем — замосковные «города»⁴⁹. Вопреки распространенному мнению, после убийства П. П. Ляпунова (22 июля 1611 г.) Первое ополчение не распалось, и значительная часть дворян продолжала оставаться в его составе. Об этом наглядно может свидетельствовать сохранившийся список служилых людей полка Д. Т. Трубецкого, относящийся к ноябрю 1611 г.⁵⁰ Наряду с московскими чинами здесь перечислены имена дворян разных городов — всего 35 городских дворян, представителей 13 «служилых городов», из которых лишь Ярославль и Романов лежали к северо-востоку от Москвы, а основная их часть

располагалась к западу (Белая, Смоленск, Вязьма, Боровск), юго-западу (города Брянско-Заокского края — Алескин, Козельск, Медынь, Брянск, Мещовск, Лихвин) и югу (Рязань) от столицы. Среди перечисленных в списке полка Д. Т. Трубецкого городовых дворян встречаем немало имен бывших московских осадных сидельцев царя Василия Шуйского и, прежде всего, дворян заокских городов — Алексина, Козельска, Медыни, Мещовска и Лихвина (12 чел. из 17)⁵¹. Таким образом, можно полагать, что дворяне юго-западного края в большинстве своем влились в состав Первого ополчения именно из Москвы, а не из бывшего Тушинского и Калужского лагерей Лжедмитрия II.

Не менее активным было участие дворянства «украинных городов» во втором ополчении. По сообщению «Нового летописца», вслед за смолянами, дорогобужанами и вязьмичами к нижегородскому ополчению стали присоединяться служилые люди других городов: «Первое приидоша коломничи, потом резанцы, потом же из Украинных городов многие люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье»⁵². Летописец, очевидно, не случайно подчеркивает, что примкнувшие к земскому ополчению служилые люди из «украинных городов» прежде находились в осаде на Москве при царе Василии — как мы видели, именно дворяне этих «городов» (и особенно «городов» Заокского края) составляли костяк московских осадных сидельцев 1608–1610 гг.⁵³

После освобождения Москвы представители дворянства «украинных городов» в числе первых откликнулись на призывы земских властей и уже в конце 1612 г. прислали своих представителей для участия в избрании царя. Так, новосильский сын боярский «Буночко» Савельев с. Иваников, согласно его челобитной, прибыл в Москву для «царского обирания» к Рождеству Христову, т. е. к 25 декабря 1612 г.⁵⁴ «От Крещенья Христова» (с 6 января 1613 г.) находился на Москве присланный для «царского обирания» выборный от г. Черни Нерон Замятнин (Ерофеев) с. Клепиков⁵⁵. Очевидно, вместе с ним прибыл в столицу и его брат Фома, также бывший на Москве «для царского обирания»⁵⁶. Известно, что Фома Клепиков сидел при царе Василии на Москве в осаде⁵⁷, а впоследствии служил в ополчениях — в августе 1612 г. он находится в Белевском уезде, где, согласно грамоте боярина князя Д. Т. Трубецкого (от руководства земского ополчения) и по грамоте белевского воеводы, отделял поместья местным дворянам⁵⁸. Многие южные и юго-западные дворяне пришли в Москву в составе земского ополчения. В отличие от дворян замосковных «городов», разъехавшихся после завершения земской службы в свои поместья, многие дворяне западных и юго-западных уездов продолжали оставаться на Москве, где жили подолгу, на протяжении многих месяцев⁵⁹. Зачастую им было просто некуда уезжать — оставленные ими много лет назад поместья были запустошены, либо заняты другими лицами⁶⁰, либо находились под польско-литовской окку-

пацией (или угрозой оккупации). Все это часто делало невозможным возвращение западнорусских дворян в свои прежние имения. Так, мешовский дворянин Василий Васильев с. Оладынь сообщает о себе в челобитной царю Михаилу в марте 1613 г.: «...И пришел, государь, я, холоп твой под Москву со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и с тех, государь, мест я, холоп твой и по ся места живу на твоей царьской службе на Москве»⁶¹. В. В. Оладынь не мог оставить Москву и вернуться в свой Мещовский уезд — известно, что Мещовск в начале 1613 г. был занят «литовскими людьми»⁶².

Являвшиеся наиболее мобильной и политически активной частью дворянства, в значительной своей части оторванные от местной службы и связанные с московской службой дворяне южных и юго-западных регионов вполне закономерно приняли активное участие в деятельности избирательного Земского собора 1613 г. Из 39 городов, от которых подписали соборную утвержденную грамоту 1613 г. представители уездного дворянства, большинство (23 города) составляли города южной и юго-западной «украины»⁶³. Можно отметить, что из 65 уездных дворян, имена которых значатся в подписях утвержденной грамоты, 25 чел. (38,5%) упоминаются в числе московских осадных сидельцев царя Василия Шуйского⁶⁴ и около 10 чел. — как участники земских ополчений⁶⁵; подавляющее большинство этих лиц являлись выходцами из южных «украинных» и заокских городов. Подписи под утвержденной грамотой не дают, правда, полного представления о составе участников февральских заседаний Земского собора, в ходе которых был избран на царство Михаил Федорович Романов; эти подписи собирались в мае — июне 1613 г., когда многие участники избирательного собора уже покинули Москву. Однако преобладание на соборе дворянства южных и западных «городов» прослеживается и по другим, более ранним источникам. Л. М. Сухотиним и П. Г. Любомировым приведены имена 15 участников Земского собора (в том числе 9 дворян), которые отсутствуют в подписях утвержденной грамоты⁶⁶, но среди них мы не видим представителей новых городов по сравнению с подписями утвержденной грамоты. Представители западных и юго-западных уездов доминируют среди подписавших грамоты от Земского собора на Двину и в Пошехонье 25 февраля 1613 г.⁶⁷ Преобладание среди дворян, участников Земского собора, представителей дворянства южных «украинных городов», а также дворянства западных областей страны не могло не наложить отпечаток на его деятельность. Дворяне западных и юго-западных уездов, находившихся под оккупацией польско-литовскими войсками или под угрозой оккупации, были кровно заинтересованы в восстановлении целостности государства. Не случайно, как свидетельствуют шведские источники, значительная часть дворян на соборе поддерживала политическую линию земского руководства (и прежде всего Д. М. Пожарского)

на заключение антипольского союза со Швецией путем избрания на русский престол шведского принца⁶⁸. Об этих мотивах, склонявших русских дворян («бояр», по шведской терминологии) к избранию Карла Филиппа, прямо сообщает шведский посланник Георг Брюнно: «...они (участники собора. — А. П.) больше озабочены тем, чтобы получить такого великого князя..., который мог бы помочь восстановить их стесненное отечество, привести его снова к покою и к единству»⁶⁹.

Таким образом, дворянство южных и юго-западных «украинных» городов, принявшее в разной степени участие в антиправительственных выступлениях в начальный период Смуты, довольно скоро (к концу 1606 г.) отошло от повстанческого движения. Подвергшиеся грабежам и насилиям со стороны повстанцев, утратившие значительную часть своих имений в результате тушинских раздач и польско-литовской интервенции, дворяне юго-западного края на всех последующих этапах Смуты выступали в качестве одной из ведущих политических сил в борьбе за восстановление традиционного общественно-политического строя и сохранение территориальной целостности страны. Эта общая политическая позиция «украинного» дворянства, несмотря на службы отдельных дворян Лжедмитрию II и королю Сигизмунду⁷⁰, прослеживается весьма отчетливо.

Службы дворян «украинных городов» в Смутное время не остались не отмеченными правительством царя Михаила Романова. Многие городские дворяне, активно проявившие себя в событиях начала XVII в., были пожалованы в московские дворяне. При этом наиболее интенсивно состав столичного дворянства пополнялся представителями южных и юго-западных «украинных городов». За период с 1613 по 1626 г. мы имеем сведения о пожаловании в «московский список» около 350 (351) выходцев из городского дворянства. Самую многочисленную группу среди них, 137 чел., или почти 40 (39)%, составляли дворяне южных (всего 49 чел.)⁷¹ и особенно юго-западных «Заокских» «городов» (всего 88 чел.)⁷². Из западных областей (городов Смоленской земли) в московские дворяне был пожалован 61 чел., из северо-западного региона — 27 чел., из поволжских городов — 14 чел. Лишь третью часть всех уездных дворян, пожалованных в московские дворяне (121 чел. из 351, или 34,5%), составляли дворяне замосковных «городов»; из них лишь немногим более половины (67 чел.) происходили из «городов», лежавших к северо-востоку от Москвы⁷³, остальные же являлись выходцами из западных⁷⁴ и южных⁷⁵ «городов» Замосковского края. Замосковные служилые «города» в послесмутное время утрачивают свое традиционное значение главной базы пополнения состава Государева двора. Основную часть пожалованных в «московский список» в первое десятилетие царствования Михаила Романова составили дворяне окраинных областей государства и, прежде всего,

дворянство южной и юго-западной «украины». Некоторые выходцы из юго-западного дворянства пробились впоследствии в высшие эшелоны власти — мешовские дворяне Стрешиньсы, болховичи Милославские, алексинцы Хитрово и др.

- ¹ Кулакова И. П. Восстание 1606 г. в Москве и воцарение Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985. С. 49; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 244; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 122, 126.
- ² Известно, что этот документ погиб во время московского пожара 1626 г. (Указная книга Поместного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 5. Отд. II. С. 61). — Новые данные об обстоятельствах составления осадного списка и практике пожалования вотчин за осадное сидение в 1610 г. см.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. III. М., 2002. № 563. С. 493; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 176; Коляков В. И. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 287–288, 473–474.
- ³ Писцовые книги сохранились по подавляющему большинству уездов страны. Утрачены писцовые описания лишь некоторых городов Казанского края, Курска, Вязьмы, а также «вотчинные книги» Псковского уезда. При этом писцы, как правило, стремились дать полные и точные сведения о характере и происхождении вотчин. Четкие указания на характер вотчины и пожалования отсутствуют лишь в писцовых книгах Белгородского, Воронежского, Зубцовского и Казанского уездов; по Балховскому, Крапивинскому и Темниковскому уездам сохранились только платежные списки с писцовых книг, которые не содержат сведений о характере и происхождении вотчин. Хотя валовые описания уездов 20-х, 30-х и 40-х гг. отстоят от начала пожалования и служеными вотчинами в 1610 г. в среднем примерно лет на двадцать и определенная потеря информации в писцовых книгах неизбежна (за это время могли произойти смерть владельца, переходы вотчин в монастыри, в чужой род и т. д.), в целом писцовые книги в совокупности с данными книг Печатного приказа, актов и других источников дают достаточно репрезентативный материал для изучения персонального состава лиц, сидевших в 1608–1610 гг. в осаде на Москве и получивших вотчины «за царя Насильево московское осадное сидение».
- ⁴ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. / сост. Ю. В. Анхимова, А. П. Павлов. Москва — Варшава, 2009 (далее — Осадный список 1618 г.). Приложения IV, VII. С. 386–506, 534–545. — Об использованных нами писцовых книгах и книгах Печатного приказа см.: Там же. Предисловие. С. 14–16, 19–21.
- ⁵ Достаточно определенно можно судить о чиновном положении лиц, принадлежавших к верхнему слою служилого сословия (о членах Государева двора — думных и московских чинах, дьяках, а также выборных городских дворянах). Писцовые книги, как правило, дают указания на принадлежность «сидельцев» к другим служилым чинам и социально-этническим группам — к различного рода дворцовым служителям (кошнякам, сытникам, ключникам и т. д.), подьячим, служилым иноземцам, служилым татарам, новокрещенам и т. д. Большие сложности вызывает установление чиновного положения и принадлежности к определенным служилым корпорациям основной массы «осадных сидельцев» — уездных детей боярских. Указания на принадлежность служилого человека к той или иной уездной корпорации («мещянине», «чернянине», «алексинце» и т. д.) в писцовых книгах содержится далеко не всегда. К сожалению, десяти первой трети XVII в. по большинству уездов еще не введены в научный оборот, и их материалы остаются для нас недоступными. В силу этого в ряде случаев приходится определять принадлежность служилого человека к тому или иному «городу» на основании того уезда, где он получил выслуженную вотчину, с учетом данных о наличии в этом уезде земельных владений и принадлежности к местной служилой корпорации его сородичей. Данный подход может быть оправдан тем обстоятельством, что, по данным писцовых книг и книг Печатного приказа, подавляющее большинство вотчин, пожалованных уездным дворянам за московское осадное сидение

- при царе Василии (1404 из 1612, или 87%), располагалось в южных и западных уездах страны. Трудно допустить сколько-нибудь значительные земельные пожалования в этих разоренных от Смуты регионах дворян — выходцев из других областей. В годы царствования Михаила Федоровича, напротив, практиковалось наделение дворян разоренных западных и южных уездов землей в более благополучных районах северо-востока страны.
- ⁶ 10 думных людей и выспия придворных, 52 стольника, 43 стряпчих, 100 дворян московских, 3 головы стрельцов, 106 жильцов.
- ⁷ Владимирцев 12 чел., галичан 24 чел., дмитровцев — 26, костромичей — 10, духовцев — 3, переславцев — 10, пошехонцев — 1, романовцев — 6, ростовцев 2, суздальцев — 16, уличан — 5, устюженцев — 1, шуян — 1, из Юрьева-Польского 2, ярославцев — 25 человек.
- ⁸ Из Твери 30 чел., Бежецкого Верха — 10, Зубцова — 21, Кашина — 18, Кулина — 2, Ржевы Володимировой — 35, Старицы — 19, Тиржка — 4 чел.
- ⁹ 7 нижегородцев, 5 арзамасцев, 8 курмышан, 3 мещерянина, а также трое казанских и двое свяжских жильцов.
- ¹⁰ За нижегородское и чебоксарское «осадные сидения» и «балчииковскую службу» (Лавкин А. И. Выборное нижегородское дворянство в первой половине XVII в. // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). II. Повгород, 2010. С. 423–424; Осадный список 1618 г. Приложение V. С. 507–520).
- ¹¹ 10 нижегородских помещиков, 6 великолукских, 1 невельский, 5 пусторжевских, 1 холмский.
- ¹² 12 смолян, 3 вязьмичей, 7 дорогобужан, 2 торопчанянина.
- ¹³ Определенная потеря информации о смолянах — московских осадных сидельцах связана с тем, что города Смоленской земли (Смоленск, Дорогобуж и др.) по Деулинскому перемирию отошли к Речи Посполитой. Известны грамоты царя Василия Шуйского о пожаловании смолянам вотчин за московское осадное сидение на территории Смоленского уезда (Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество... С. 176; Антонова А. В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. № 186, 1456, 2583, 2808). Не сохранились писцовые книги первой трети XVII в. Вяземского уезда, оставившиеся за Русским государством.
- ¹⁴ Туляне — 113 чел., веневицы — 3, епифанцы — 1, соловьяне — 20.
- ¹⁵ Рязанцев — 211 чел., в том числе 4 чел. рязских помещиков, а также муромцев — 2 чел.
- ¹⁶ По Болховскому уезду сохранились только дозорная книга 1619–1620 гг. и платежная с писцовых книг 1628–1629 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 13; кн. 409. Л. 724–756), которые не дают полного представления о характере и происхождении вотчин.
- ¹⁷ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 342.
- ¹⁸ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 122, 126.
- ¹⁹ Ср.: Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 133.
- ²⁰ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... № 39. С. 132–156.
- ²¹ Архив СПБНИИ РАН. К. 115. № 257. — Сборник на 161 листе, в четверку. Представляет собой конволют, состоящий из нескольких тетрадей разного происхождения. Написан скорописью второй половины XVII в. разными почерками, на разной бумаге. Сигнатура XVII в. (нижняя), не единая, прослеживается не по всем тетрадам (нижние края ряда листов обрезаны): номера тетрадей 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й стоят соответственно на листах 8, 16, 24, 32, 40 и 48; на л. 82 стоит номер тетради 2, на л. 90 — № 3, на л. 100 — № 4; на л. 139 — № 2, на л. 147 — № 3, на л. 155 — № 1. Переплет поздний (предположительно, второй половины XVIII в.), картон, обтянутый кожей. По филиграммам, сборник можно датировать последней четвертью XVII в. (скорее всего, 1680–1690-ми гг.). На начальных (л. 1–51) и последних (л. 139–161) листах водяной знак — голова шута, семьябузован IV типа (по Клепикову) с контрамаркой «PVL» (лигатура), типа — Дианова. «Голова шута», № 632. 1695–1699 гг. (Дианова Т. В. Филиграммы XVII–XVIII вв. «Голова шута». Каталог. М., 1997); ср. также: Дианова Костюкина,

№496—498 — 1679, 1689, 1690, 1691 гг. (Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Филигрань XVII в. по рукописным источникам ГИМ. Каталог. 2-е изд. М., 1988). На листах 52—64 — голова шута пизгизубовая с искаженными сзади зубцами воротника; точных аналогов в альбомах не найдено. На л. 65—73 — «шут в каске» с контрамаркой IBEAVFORT искаженной формы в рамке, типа — Дианова. «Голова шута», №542—1676 г., ср. также: №540—1679 г. и №544—1680 г. На лл. 74—100 — голова шута семизубовая, типа — Дианова-Костюхина №476—1685—1686 гг., №471—1679 г. На лл. 101—126 — лилия на щите под короной с одним ободом, контрамарка в коренке переплетла плохо просматривается, типа — Дианова-Костюхина №926—1671 г. На л. 127—138 — три круга под короной, типа — Дианова-Костюхина, №603—1677 г. Содержание сборника: текст Титулярника (л. 1—51 об.; л. 49—51 — чистые), Список стрелешких голов и сотников и «список 100-го (1591/92) году» детей боярских и других служилых людей (л. 52—64 об.), разряд свадьбы царя Алексея Михайловича с М. И. Милославской (л. 65—73 об.), текст боярского списка 1606—1606 гг. (л. 75—100; на л. 100 об. — «роспись городам», или перечень городов, по которым служили упомянутые в боярском списке дворяне выборного чина), список Тысячной книги 1550 г. (л. 101—136 об. — не учтен в публикации А. А. Зимина 1950 г.; л. 137—138 — чистые), политическое сочинение (вирши) «Божественного всякого писанья православным добрым читателям скизание» (л. 139—154 об.), «Описание христианских государств гербов, по том же и столицам коюждо до которой расстояние...» (л. 155—157 об.), «Описание столиц славыа государств и нарочитых городов и знатных островов...» (л. 158—161 об.; доведено до буквы М). Окончание сборника утрачено. На чистом листе 74 (перед л. 75, на котором списан текст боярского списка 1606—1607 гг.) содержится запись: «Список выбору, сыскан на Казенном дворе во 115-м году» и «Сие тетради столника Алексея Елизаревича Елизарина списаны ево рукою». А. Е. Елизаров был пожалован в стольники 29 июня 1682 г. (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. №21. Л. 82 об. — Эти сведения любезно сообщил нам П. В. Седов. В боярском списке 1706 г. над именем А. Е. Елизарова стоит помета «Для ево слепоты в четверть писать не велено» (Захаров А. В. Государев двор Петра I. Челябинск, 2009. С. 324). Следовательно, написание блока конволюта, содержащего тетради с текстом боярского списка 1606—1607 гг., относится ко времени не ранее 1682 г.

²² Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 137.

²³ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 10; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 142—143.

²⁴ Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 165.

²⁵ По наблюдению А. Л. Станиславского (над материалами сохранившихся подлинных столбцов боярского списка 1606/07 г.), последние пометы боярского списка относятся к марту 1607 г., а в мае этого года боярский список уже не использовался (Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 63). Это наблюдение подтверждается и данными рассматриваемой нами копии боярского списка 1606—1607 гг. — рызанский дворянин П. П. Лягунов упоминается здесь с окладом в 700 четв. (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. С. 144; Архив СПбИИ РАН. К. 115. №257. Л. 87 об.), но в ввозной грамоте П. П. Лягунову с сыном Владимиром на село Исады Рызанского уезда от 11 марта 1607 г. упомянут его оклад уже 800 четв. (Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1998. Т. 2. №254. С. 230).

²⁶ Над именами выборных дворян, перечисленных в боярском списке, не встречасм помет о нахождении их в «измене». Единственным исключением является помета возле имени александриного дворянина Григория Александровича Кологривова «В измене» (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 147). Известно, что во время похода царя Василия Шуйского к Туле на пути его войск стоял мятежный город Алексин, который оборонял вместе «с ворами» воевода Лаврентий Александрович Кологривов, родной брат Г. А. Кологривова (Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951. С. 172, 343). В боярском списке 1606—1607 г. среди выборных по Коломне отсутствует имя «дворянина Самойлы Ивановича Кохановского, выборного дворянина по Коломне с выским помещным окладом в 700 четв. в боярском списке 1602—1603 г., а впоследствии одного из активных участников повстанческого движения против царя Василия (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 219. — О С. И. Кохановском см.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова... С. 508—509; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 109—110). В боярский список не были включены

- имена и некоторых других «изменников». Так, в числе выборных по Брянску здесь отсутствует имя Афанасия Андреевича Тютчева, который упоминается как выборный дворянин по Брянску в боярском списке 1602–1603 гг. Известно, что он служил Лжедмитрию II (Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 622), но, вероятно, изменил царю Василию Шуйскому еще раньше. Однако, по всей вероятности, в «изменниках» в 1606–1607 гг. находилась лишь незначительная часть дворян выборного чина. Большая часть имен выборных дворян, упомянутых в боярском списке 1602–1603 гг. и росписи русского войска 1604 г., значится и в боярском списке 1606–1607 гг. по перечисленным здесь 36 «служилым городам».
- 27 Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 133.
- 28 См.: Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 268–270; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... № 76, 91, 92, 96, 162, 169, 191, 197, 202, 203, 205, 208. С. 196, 209, 210, 214, 305, 312, 331, 336, 345, 346, 347, 350. — В челобитных служилых людей с упоминаниями о службах при царе Василии выделялась первая осада Москвы, «как приходил под Москву Ивашко Болотников» (осень — начало декабря 1606 г.) и другая осада Москвы от тушинцев в 1608–1610 гг. (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 209, 316, 330, 336).
- 29 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 116, 119.
- 30 Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II... С. 282–327.
- 31 Одной из причин перехода дворянской верхушки (дворян выборного чина) из повстанческого в правительственный лагерь являлось наличие у них на Московские родственников и земляков. Известно, что переходу Ляпуновых с рязанцами в царский стан 15 ноября предшествовали их тайные переговоры со своими земляками Измайловыми, активными сторонниками царя Василия Шуйского (Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 122). У ряда дворян, представителей южных «чородов» на Москве в осаде находились сыновья, служившие в чине жильца, и другие родственники. Так, сыновья выборного дворянина по Лихвину Федора Ивановича Сомова и выборного дворянина по Малоярославцу Владимира Константиновича Поливанова жильцы Иван Федорович Сомов и Кочевя Владимирович Поливанов были участниками обороны Москвы во время ее осады войсками Болотникова (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 149, 153, 230, 235). Выборными дворянами по Козьмьинскому были родные братья служившего царю Василию на Москве в 1606 г. думного дьяка Григория Григорьевича Желябужского — Федор Большой и Федор Меньшой Григорьевичи Желябужские (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 152).
- 32 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 116. — Несколько позднее, после разгрома Болотникова под Москвой, в Серпейск, Мосальск и Мещовск были посланы князь Андрей Андреевич Хованский и Елизаветин Дангилевич Баргетев (выборный дворянин по Серпейску) уже официально привести ко кресту местных дворян и детей боярских «и всяких людей» (Там же. С. 228).
- 33 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... № 38. С. 131–132.
- 34 Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 224–225.
- 35 Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 156.
- 36 Земченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI — начале XVII в.: Опыт государственного строительства. М., 2008. С. 151–152.
- 37 ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 74; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 214, 219, 220, 301, 329, 333, 357, 358 и др.; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 220, 221, 225.
- 38 Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века... С. 161; Смирнов И. И. Восстание Болотникова... С. 500.
- 39 Смирнов И. И. Восстание Болотникова... С. 402–403.
- 40 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 169; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 227.
- 41 Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II... С. 169–205.

- ⁴² Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II... С. 221–236. — Едва ли можно трактовать разрядную запись: «Того же лета (1607 г.) под осень назвался в Стародубе иной вор царевичем Дмитрием... в Северские и Украинные города опять оложжились» (Белокурое С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 13) как свидетельство перехода дворянства южных и юго-западных «городов» из правительственного лагеря на сторону Лжедмитрия II. Прямых указаний на это в разрядной записи не содержится. Скорее всего, речь здесь идет о переходе на сторону самозванца нижних слоев населения украинских и северских городов, что подтверждается показаниями других источников.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 14. С. 79.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Из 36 выборных дворян по Коломне среди московских осадных сидельцев встречем имена 8 чел., из 23 выборных по Рязани — 8 чел., из 40 выборных по Кашпире — 8 чел., из 5 выборных по Тарусе — 5 чел., из 22 выборных по Туле — 9 чел., из 29 выборных по Алексину — 9 чел., из 1 выборного из Одоева — 1 чел., из 19 выборных по Калуге — 9 чел., из 18 выборных по Воротыньску — 10 чел., из 18 выборных по Белеву — 7 чел., из 13 выборных по Лихвину — 7 чел., из 5 выборных по Перемышлю — 1 чел., из 23 выборных по Серпейску — 7 чел., из 31 выборного по Мещовску — 8 чел., из 36 выборных по Козельску — 16 чел., из 10 выборных по Болхову — 5 чел., из 4 выборных по Карачеву — 1 чел., из 10 выборных по Брянску — 1 чел., из 28 выборных по Медыни 6 чел.
- ⁴⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1851. Ч. IV. С. 318–319; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество... С. 227–230.
- ⁴⁷ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество... С. 228–229.
- ⁴⁸ Козельский дворянин Василий Иванов с Павлов, брянские дворяне Василий Салтанов с Толбузин, и Федор Парфеньев, болховский дворянин Тимофей Андреев с Хитрой, мещовский дворянин Илья Васильев с Беклемищев, белевский дворянин Яков Александров с Юшков, тарусский дворянин Тимофей Васильевич Исканский, медынский дворянин Михаил Михайлов с Трусов, орловский дворянин Богдан Осипов с Веденев и, вероятно, воротынец Федор Меньшого с Матов и лихвинец Федор Иванов с Сомов.
- ⁴⁹ Козляков В. П. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 51.
- ⁵⁰ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. № 45. С. 78–82.
- ⁵¹ Алексинцы Василий Семенов с Хитрово и Иван Дмитриев с Кологринов (?); козличи Григорий Иванов с Горихвостов, Иван Иванов с Хлопов, Борис Семенов с Дворянинов, Семен Семенов с Панин; медынцы Тимофей Григорьев с Поливанов и Константин Давыдов с Полтев; мещовцы Меньшой Афанасьев с Стрешнев, Петр Пижитин с Засешиной (?), Василий Иванов с Острогубов (?); лихвинец Осип Алексеев с Ртищев.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 14. С. 117.
- ⁵³ В составе участников земского ополчения дворяне южных и юго-западных «украинных городов» занимали свое особое место. Так, среди членов посольства, отправленного из Ярославля от «Совета всей земли» в Новгород в апреле 1612 г., упоминаются представители от рязанских «городов» и Коломны рязанец Никита Варфоломеевич Маслов и коломянин Степан Данилович Найнаров, а от «всех украинских городов» мещовец Логин Дмитриевич Мелентьев (Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. II. Новгород, 1912. Т. XI. С. 249–255).
- ⁵⁴ Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа). М., 1915. С. 101.
- ⁵⁵ Там же. С. 97.
- ⁵⁶ Там же. С. 173.
- ⁵⁷ Осадный список 1618 г. С. 433.
- ⁵⁸ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. III. № 20. С. 18–19.
- ⁵⁹ Например, тульские дворяне Фендрих Дьяков и Юрий Иевлев и Степан Княжегорский, мценский дворянин Андрей Чортков (Любомыров II. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 268). В отписке царю Михаилу из Москвы от Боярской думы от апреля 1613 г. упомянуты дворяне

и дети боярские, «которые жили на Москве за своими делы, туляне, серпуховичи, ялексинцы» (Дворцовые разряды (далее — ДР). СПб., 1850. Т. I. Стлб. 1127). Среди дворян, подававших челобитные об освобождении от уплаты печатных пошлин на протяжении 1613 г., т. е. находившихся в этот период в столице, решительно доминировали представители южных и западных «служилых городов» (Сухотин Л. М. Первые месяцы... С. 31–202).

- ⁶⁰ Некоторые западнорусские дворяне еще в ополчениях получили взамен своих опущенных или утраченных имений в других городах, и это обстоятельство также не могло стимулировать их возвращение на свои прежние места.
- ⁶¹ Сухотин Л. М. Первые месяцы... С. 43–44. — В публикации его фамилия показана как непропитанная («О...ин»). Имя мешовского дворянина Василия Васильева с. Оладына встречается в приходо-расходной книге Разрядного приказа 1614–1615 гг. (Русская историческая библиотека. М., 1912. Т. 28. С. 386).
- ⁶² Сухотин Л. М. Первые месяцы... С. 46, 56.
- ⁶³ Это города южной окраины Московского края (Серпухов, Коломна), города Рязанской земли (Рязань, Шацк), Тульского края (Тула, Солова), «Дикого поля» (Белгород, Курск, Ливны, Оскол), Сиверской земли (Рыльск), Брянско-Заскского края (Алексин, Брянск, Калуга, Козельск, Малоярославец, Мещовск, Мценск, Новосиль, Одолев, Перемышль, Серпейск, Чернь). — см. Утасренная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова/предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 83–92.
- ⁶⁴ Воин Иванов с. Бахтин (выборный из Брянска), Иван Кузьмин с. Бегичев (выборный из Калуги, вотчина перешла затем к его сыну Ивану), Иван Семенов с. Безобразов (выборный из Брянска), Семен Федоров с. Глебов (выборный из Мещовска), Роман Давыдов (выборный из Твери), Федор Дементьев (выборный из Арзамаса), Игнатий Дашков (выборный из Алексина), Константин Семенов с. Дурной (выборный из Малоярославца), Фендрих Федоров с. Дьяков (выборный из Тулы), Иван Змеев (выборный из Коломны), Ковыла Степанов с. Ивашкин (выборный из Тулы), Юрий Иевлев (выборный из Тулы), Иван Кондырев (выборный из Калуги), Михаил Матвеев с. Остолопов (выборный из Володы), Неупокой Писемский (выборный из Тулы), Федор Ивксфоров с. Полтев (выборный из Серпейска), Смирной Порошин (выборный из Шацка), князь Иван (с. Семенов) Путятин (выборный из Арзамаса), Борис Тютчев (выборный из Кашина), Софрон Мелентьев с. Тютчев (выборный из Брянска), Семен Ушаков (выборный из Тулы), Андрей Хирин (выборный из Рязани), Андрей Васильев с. Чортов (выборный из Мценска), Иван Иванов с. Щербачев (выборный из Козельска), Степан Михайлов с. Юшков (выборный из Козельска).
- ⁶⁵ Выборный от Калуги Иван (Кузьмин с.) Бегичев (ПСРЛ. Т. 14. С. 122; *Любамиров П. Г. Очерки...* С. 184); Семен Федоров с. Глебов (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола, № 13. Л. 396; Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени (1604–1617 гг.). М., 1912. С. 256–257); возможно, тульский дворянин Фендрих Федоров с. Дьяков (Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. XV. Отд. П. С. 131); выборный из Шацка Иван Ноздрунов с. Ивачкин (Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 81); выборный от Калуги Иван Гаврилов (Послов) с. Кондырев (ПСРЛ. Т. 14. С. 122; *Любамиров П. Г. Очерки...* С. 184); возможно, соловянин Роп Федоров с. Мясоедов (Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 110); рязанец Андрей Хирин (Сухотин Л. М. Первые месяцы... С. 78); рязанец Василий Петров с. Чевкин (Акты Московского государства... Т. I. С. 80); возможно, выборный из Мценска Андрей Васильев с. Чортов (Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 126); выборный из Коломны Михаил Федоров с. Юренин (Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. ... С. 68–69); выборный от Козельска Степан Михайлов г. Юшков (Сухотин Л. М. Четвертчики... С. 316).
- ⁶⁶ Станичные атаманы из г. Оскола Мезинка Стрельников, Ивашка Горожанкин, Костька Мишущин, Ромашка Ряпалов, Прикудка Нелюбов; оскольский сын боярский Михаил Осипов с. Бекетов; рязанский дворянин Алексей Никифоров с. Кондауров; старец из города Кадома Феодосий Протопопов; дети боярские из г. Черни Нерон и Фома Ерофеевы д. Клепиковы; сын боярский из Новосила Буначко Савельев с. Иваников; дети боярские из Белгорода Третьяк Попов и Григорий Найденов; поп Константин из Курска, соловянин Афанасий Лопатин, рязанец Андрей Хирин, протопоп Покровского собора из Брянска Алексей (Сухотин Л. М. Первые месяцы... С. XV; *Любамиров П. Г. Очерки...* С. 179).
- ⁶⁷ Грамоты подписали выборные от Боровска, Володы, Каширы, Мценска, Одосы, Погорелова Городища, Рязани, Торжка, Торопца, Устюжны Железоловской.

Среди подписавших грамоты мы встречаем выборных от городов, отсутствующих в подписях утвержденной грамоты, — Боровск, Каширы, Потерятого Городища, Торопца; все эти города расположены к западу и юго-западу от столицы (*Любомиров П. Г. Очерки...* С. 305–306; *Зимин А. А. Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 191*).

⁶⁸ О нежелании многих «бояр» избрать Михаила Федоровича и их склонности к избранию на царство шведского принца Карла Филиппа свидетельствуют донесения шведских агентов и распросные речи русских людей в Новгороде (*Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. Т. III. Воронеж, 1926. Приложения. С. 71–73; Арсеньевские шведские бумаги. 1611–1615 гг. // Сборник новгородского общества любителей древностей. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 21–33*). Следует отметить при этом, что под «боярами» здесь подразумевались не только думные бояре, но и служилые люди «по отечеству» вообще, в том числе и дворяне (дети боярские). — О поддержке кандидатуры шведского принца со стороны Д. М. Пожарского и, вероятно, Д. Т. Трубецкого см.: *Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. С. 10, 33–44*. — Свидетельством популярности земских воевод среди значительной части дворян-участников собора 1613 г. (прежде всего дворян, пришедших в Москву в составе ополчений и оставшихся в столице в последующие месяцы) может служить челобитная Трубецкого и Пожарского, поданная царю Михаилу в апреле 1613 г. о дозволении им встречать на Москве царя со своими особыми отрядами из бывших ополченцев, принимавших участие в освобождении столицы (*ДР. Т. I. Слб. 1208*).

⁶⁹ *Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. Приложения. С. 72*.

⁷⁰ См.: *Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II...* С. 614–624.

⁷¹ 16 из Рязани, 5 из Меуцеры, 1 из Муром, 9 из Тулы, 7 из Коломны, 8 из Каширы, 1 из Серпухова, 2 из Тарусы.

⁷² 8 из Алексина, 8 из Белева, 3 из Болхова, 4 из Брянска, 4 из Воротынска, 7 из Калуги, 15 из Козельска, 4 из Лихвина, 5 из Медыни, 17 из Мещовска, 13 из Серпейска.

⁷³ Владимир, Галич, Дмитров, Кострома, Переславль, Романов, Суздаль, Юрьев-Польский, Ярославль.

⁷⁴ Боровск, Верей, Можайск, Руза и города бывшей Тверской земли — Бежецкий Верх, Зубюк, Капши, Ржева Володимерова, Старица, Тверь, Торжок.

⁷⁵ Коломна, Серпухов, Муром.